

Сам от себя не ожидал, что в последних номерах всероссийского литературного журнала «Приокские зори» меня в первую очередь заинтересуют статьи к юбилеям классиков словесности, выходящие из-под пера главного редактора Алексея Яшина. Сначала предполагал пробежать их по диагонали, но завяз — они явно выходят за рамки разговора — хлесткие, с привязкой к реалиям сегодняшнего дня. Д. Оруэлл, А. К. Толстой, Г. Маркес, М. Горький, Л. Толстой.

Интересно было сопоставить чье-то прочтение с собственным восприятием и попутно почерпнуть что-то дополнительно для себя, хотя бы о приемах когнитивности.

Помню, в книжном магазине нашего райцентра, где я тогда жил, по случаю приобрел последние тома ПСС Горького, не выкупленные подписчиком. Единым духом прочитал всего «Клима Самгина», а потом, бывая в крупных городах, заглядывал в «Букинист» или на черный рынок в поисках недостающих томов. Каждое приобретение воспринимал как праздник. Для того, чтобы скомпоновать все эти 25 коричневых томов, потратил без преувеличения четверть века.

В школе всем до оскомины вдалбливали напыщенные слова о «буревестнике революции», а пролетарский писатель оказался удивительно многогранным, полифоническим. Сильно разбрасывался своим талантом, отчего остались многие вещи незавершенными. Такие знатоки человеческих душ не каждый день встречаются. Поражают даже его периферийные вещи — литературные портреты. Каждый их герой с громким именем словно просвечен рентгеном. Недаром Лев Толстой даже побаивался молодого окаящего автора, обронив, что у того «душа соглядатая». Наверное, ничто не могло укрыться от пронизательного глаза этого самородка — и великое, и курьезное. Думается, что Горький до сих пор изрядно недооценен — слишком широк диапазоном. Особняком стоит его цикл крупных рассказов 1922—24 годов: «От-

шельник», «Карамора», «Репетиция»... Это какая-то новая литература, тоже «несвоевременная». Не удивился, узнав из примечаний, что этот сборник рассказов был прохладно принят критикой тех лет, хотя он и «обещал быть вкусным».

Разыскивал я и дополнительные 15 томов с письмами и вариантами, но удалось полистать всего два тома. Тиражи этого приложения совсем крохотные, даже в крупных библиотеках не удалось полюбоваться всеми сорока томами в сборе уникального издания. Не так давно появилось новое жизнеописание Максима Горького — том из серии «Жизнь замечательных людей» известного критика Павла Басинского. Обнаружилось много чего интересного, в новом свете представляющего нашего классика соцреализма. Меня и раньше посещала смутная догадка, что этот босяк, намотавший по России сотни километров пешком, на поверку слишком интеллектуальной, не бродяжнической души. Какое-то необъяснимое противоречие. Исследователь тоже это почувствовал. Оказалось, что дед Каширин, судя по хрестоматийной повести о детстве бестрепетно отправивший подростка «в люди», был не таким уж обедневшим и вполне мог помогать своему отпрыску. Правда, на мой взгляд, несколько утяжелили документальную книгу постоянные взывания к христианским ценностям — в укор порою слишком своевольному писателю. Ну уж таким он был, а сослагательного наклонения история не приемлет.

Попутно, как библиофил со стажем, хочу пару слов сказать о еще одном открытии для себя авторе, современнике Горького, хотя ему вряд ли будут в нашей прессе посвящаться юбилейные статьи.

Как-то мне уже в перестроечные годы привезли домой целую машину книг — их владелица переезжала за границу. Среди разнобоя обнаружилась любопытная вещица 1960 года издания. Сборник рассказов «Анаконда» уругвайского писателя Орасио Кироги. Это представитель «креольского реализма». В те годы умели очень тепло издавать — каждый рассказ или главак предварялись изящным рисунком в стиле минимализма.

Сам автор оказался тоже большим оригиналом — удалился с семьей в джунгли, где надо было вести ежедневную борьбу за существование. Примитивное бунгало, пропитание исключительно возделанным и добытым собственными руками. Дети тоже должны расти Тарзанами, уметь забираться за плодами на вершину пальмы. Не выдержав таких испытаний, покончила с собой жена, оставив писателя с двумя малолетками. Вторая жена тоже покинула его, хотя обитали они уже в городе. Вообще злой рок упорно преследовал семью Кироги. Отца случайно застрелили из ружья, сам он из-за неизлечимой болезни и отсутствия пенсии тоже добровольно ушел из жизни. В дальнейшем и его сын поступил аналогично.

Творчество Кироги меня, довольно-таки начитанного, притянуло не только ювелирным мастерством, но и какой-то редкой душевностью. Этаким эталон рассказа с экзотическим флером. Книга стала одной из самых любимых в моей библиотеке. Попутно поделюсь тем, что я обнаружил, довольно часто бывая по объявлениям в разных квартирах — в поисках очередных раритетов. Неприятнейшее открытие. На полках ни одной книги шестидесятых годов, словно их ветром сдуло! Неужели все сдано на макулатуру из-за нехватки жилого пространства в наших пресловутых «хрущевках», самом распространенном жилище? Даже из семидесятых годов почти ничего не встретишь, за исключением подписок. Только перестроечные детективы, фэнтези, да любовные романы. Поищешь на «Озоне» — тот же результат. Очень долго надо караулить счастливый случай.

Вымыт из обихода целый пласт полиграфической культуры. Причем это делалось не по принуждению, а вполне себе добровольно. Поколение «недолайков» тотально стремится избавиться от всего бумажного — самому доводилось видеть в мусорных

баках не только целые подшивки «Крокодила» или «Огонька» пятидесятилетней давности, но даже альбомы с фотографиями предков. Может, из этого что-то и оцифровано, но не стоит забывать, что очередной хитроумный троян может за один миг уничтожить все, сброшенное на накопитель. Из интернета выкопал, что Кирогу в наше время несколько раз издавали, но это очень куцые книги, какие-то оборыши. «Сказки сельвы» для детей — крупным шрифтом растянуты на сотню страниц паратройка рассказов, с аляповатыми иллюстрациями. Видимо, издатели посчитали, что все остальное явный «неформат» и будет скверно продаваться. А ведь у Кирогы есть еще много другого, никогда не издававшегося у нас, в том числе пьесы, роман «Прежняя любовь». По обмолвкам в критических статьях узнал, что у уругвайца все остальное подано в слишком пессимистических тонах. Такое у нас действительно не любили пропагандировать. У меня даже промелькнула мысль: самому найти тексты писателя в оригинале и воспользоваться электронным переводчиком. Но он пока еще слишком несовершенен — получается какая-то абракадабра: без склонений и падежей, с неверным выбором вариантов многозначных слов. Догадывайся по смыслу. Остается надеяться лишь на чудо. Возможно, найдется энтузиаст и переведет полностью этого прекрасного писателя. Положительные примеры имеются, даже у нас в Омске. Полиглот Евгений Фельдман, с тонким вкусом и версификационной безупречностью, наконец-то перевел «Песни действия» Конан Дойла — впервые в стране! А ведь далеко не все знают, что создатель образа великого сыщика был еще и поэтом!

